

ТОРГОВАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ РЫНКОВ: ДВЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПРАВЕ ВТО

А. ВОДЯННИКОВ,
соискатель отдела международного права
Института государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины

SUMMARY

The article explores the influence of globalisation over international trade and regulatory autonomy of modern state with specific reference to taxation. It is focused on current tension between trade liberalisation as foundational premises of the WTO legal order and demands for market access which pave the way for market integration claims. The article conceives the globalisation process as self-reinforcing where its by-products – social, cultural, legal and political integrations between various heterogenic societies – strongly influence patterns of international economic interaction and make the process irreversible. Viewed from this point the current evolution of the WTO system is largely affected by increasing tension between trade liberalisation and market integration paradigms.

Key words: WTO, globalisation, trade liberalisation, market integration, tax non-discrimination, public finances.

* * *

В статье исследуется влияние процессов глобализации на международную торговлю и регуляторную автономию современного государства на примере налогообложения. В центре внимания статьи – современные противоречия между торговой либерализацией, что лежит в основе правопорядка ВТО, и тенденциями расширения доступа на национальные рынки, что открывает двери для интеграции рынков. В статье глобализация рассматривается как самоусиливающийся процесс, в котором его побочные продукты – социальная, культурная, правовая и политическая интеграции – существенно влияют на ход его развития и делают такой процесс необратимым. С такой точки зрения современная эволюция системы ВТО определяется усиливающимся противоречием между парадигмами торговой либерализации и интеграции рынков.

Ключевые слова: ВТО, глобализация, торговая либерализация, интеграция рынков, налоговая недискриминация, публичные финансы.

Постановка проблемы. Вопросы влияния современного международного экономического правопорядка на национальный суверенитет и, прежде всего, регуляторную автономию государств остаются в центре внимания и предметом жарких дискуссий как в среде дипломатов, правительственных экспертов и чиновников, так и научного сообщества. Процессы глобализации, международной экономической конкуренции, усиления взаимной интеграции национальных экономик ставят не только вопрос об опосредованном ограничении национального суверенитета государств в экономической сфере, но и актуализируют глубинную проблематику легитимности современного международного экономического права (МЭП), основанного на системе Всемирной торговой организации (ВТО). Актуализация этого вопроса обусловлена не в последнюю очередь все более широкой практикой Органа по разрешению споров ВТО (ОРС) по ограничению спектра правительственных мер регулирования рынков товаров и услуг, поскольку определение правомерности той или иной меры осуществляется не в рамках демократического процесса в стенах национального законодательного органа или подотчетного ему правительства, а «обезличенными международными бюрократами в Женеве» [1, с. 1].

Этот особенно актуально в такой чувствительной сфере государственного управления, как публичные финансы и налоги. И хотя фискальный суверенитет все еще остается в сфере исключительных полномочий современного государства [2, с. 79], а режимы, существующие в международном праве, не могут устанавливать налоги и, в принципе, не осуществляют прямого регулирования национальных налоговых систем, осуществление такого суверенитета подпадает под все большие ограничения. Такая «эрозия», вызванная влиянием международно-

правовых режимов МЭП, ведет ко все большему сужению дискреции современных государств в сфере налогообложения. Так, Суд ЕС рутинно указывает на то, что, «хотя, исходя из современного состояния права Сообщества, прямое налогообложение как таковое не входит в компетенцию Сообщества, сохраненные государствами-членами полномочия должны тем не менее осуществляться таким образом, который был бы совместим с правом Сообщества» [4, с. 257, para. 21; 5, с. 1925, para. 21; 6, с. 7664, para. 15]. Подобный подход также присутствует и в системе

ВТО [см.: 7, с. 31, para. 90]. Эти ограничения являются результатом, в первую очередь, действия принципов налоговой недискриминации и налоговой нейтральности [см.: 3, с. 180-184].

В международно-правовой доктрине исследованию данной тематики посвящено достаточно большое количество работ западных авторов, таких как Р. Ави-Йона, Л. Бернарди, П. Ваттель, Р. Вольфрум, Вон Мог Чой, Я. Вутерс, Л. Гандулиа, М. Гедеман-Робинсон, Г. Горн, М. Грец, У. Дейви, Дж. Джексон, Р. Дольцер, Л. Эринг, П. Жюйар, А. Иссон, Д. Карро, М. Кебель, Р. Лайел, П. Мавроидис, М. Маццита, Ф. де Новелис, П. Профет, Ф. Ресслер, Д. Розенблюм, М. Ротбард, А. Сайкс, У.Г. Самнер, В. Танзи, Б. Терра, А. Уорен П. Фармер, Ф. Шоркопф, П.-Т. Штоль, Т. Шенбаум и др. К сожалению, в отечественной доктрине этому вопросу внимания не уделялось.

Глобализация – довольно широкое понятие, отражающее все более глубокую интегрированность и взаимозависимость в сфере международной экономики и социальных отношений. Оно включает в себя интенсификацию международной торговли, движения капиталов, рабочей силы, миграционных процессов, производства, распространения идей, научных достижений, технологий и т.д. Дж. Стиглиц таким

образом описывает процесс глобализации: «С самого начала, это – более тесная интеграция государств и народов мира, вызванная стремительным снижением стоимости транспортировки и коммуникации и, в целом, устранением искусственных препятствий для потоков товаров, услуг, капитала, знаний и (в меньшей степени) людей через границы. Глобализация сопровождается созданием новых институций, соединяемых по разные стороны границ... Мощными движущими силами глобализации выступают международные корпорации, переправляющие через границы не только товары и услуги, но и технологии» [8, с. 32].

Глобализация в таком понимании имеет, прежде всего, экономический характер и выражается в трех основных измерениях: производство, продукция, рынки. Однако в качестве побочного эффекта процессы глобализации дали толчок более глубинным, тектоническим процессам вне экономической сферы – процессам социальной, политической, культурной, информационной интеграции между различными и, зачастую, в корне различающимися обществами.

В экономическом понимании глобализация рассматривается в качестве стратегии развития, основы чего были заложены в так называемом «Вашингтонском консенсусе» [более подробно см. 10, с. 1-27], содержание которого заключается в либерализации торговли, макроэкономической стабильности и надлежащем рыночном ценообразовании как определяющих условий экономического и социального развития. Как отмечает Дж. Стиглиц, «Если правительство решило эти вопросы – а это, по сути, означает, что правительство «самоустранилось» – частные рынки сами эффективно распределяют ресурсы и приведут к стабильному росту» [16, с. 1]. Сам термин «Вашингтонский консенсус» был предложен американским экономистом Джоном Вильямсоном в 1990 г. в исследовании, посвященном обзору политики реформ, реализуемых странами Латинской Америки в 80-х гг. [11, 7-20]. Он означал тот комплекс стабилизационных мер, относительно которых существовал определенный консенсус в политических и технократических кругах основных междуна-

родных валютных и финансовых организаций (поскольку штаб-квартиры основных таких организаций как МВФ, МБРР, МАГИ, МФК располагаются в Вашингтоне). В их основе лежала идея построения экономической системы развивающегося государства согласно модели «свободного рынка» с минимальным вмешательством со стороны государства, что включало реализацию таких мер, как налоговая дисциплина, урезание бюджетных расходов, налоговая реформа, финансовая и торговая либерализация, содействие иностранным инвестициям, приватизация, дерегуляция и т.д. [11, с. 7-20; 12, с. 738]. Такие меры отражали в своей сущности определенные концепции *laissez-faire* или «рыночного фундаментализма», идеалом чего является полное невмешательство государства в функционирование рынков [см.: 8, 84-85]. Вашингтонский консенсус кристаллизовался в ответ на экономическую рецессию 70-80-х гг., поразившую страны Латинской Америки, правительства которых теряли контроль за бюджетной политикой, а бездарная монетарная политика привела к гиперинфляции [8, с. 38]. В его основу была заложена экономическая политика Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании [10, с. 3]. Этот шаблон был также использован в начале 90-х гг. для стран бывшего СССР. Однако довольно скоро принципы Вашингтонского консенсуса проявили свою неэффективность в странах, где они были реализованы. Изменения, вызванные таким развитием ситуации, отраженные в новом «Поствашингтонском консенсусе», отводили большую роль созданию благоприятной среды для рынков и институтов рыночной экономики, как основных предпосылок привлечения инвестиций и развития [более подробно см.: 13, с. 52-73; 14, с. 80-95; 15, с. 157-162]. Вместе с тем финансовый кризис 2008 г. во многом определил начало процессов пересмотра данных подходов, однако говорить о каком-либо «Пост-поствашингтонском консенсусе» пока еще рано.

Таким образом, в основе глобализации лежат нелиберальные идеи, согласно которым эффективное распределение ресурсов улучшает продуктивность экономики, что в свою очередь обеспечивает процветание,

общее благосостояние и повышение стандартов жизни. Эффективность, таким образом, обеспечивается неограниченным конкурированием между экономическими субъектами, а это требует устранения барьеров в торговле и открытости экономики путем отмены протекционистских мер и минимизации вмешательства государства в экономические процессы [более подробно см.: 17, с. 280-282].

В свете выказанного довольно простой выступает логика, заложенная в процессах глобализации: экспансия торговли и инвестиций в поисках новых рынков и более продуктивного и конкурентоспособного производства. Движущими силами этих процессов являются современные телекоммуникационные технологии, развитие транспорта, мобильность капитала, изменения в культурных, политических, социальных, правовых системах современных государств. Эти силы, таким образом, развились до степени самоусиливающихся факторов: процессы, обусловленные исключительно экономическими факторами, вызвали необратимые изменения всей системы международных экономических отношений, которые поддерживаются и усиливаются побочными последствиями глобализации во внеэкономических сферах. Эта система институционализировалась вокруг конгломерата многосторонних соглашений в разных сферах международного сотрудничества, глобальных и региональных организаций, международных форумов, институций и ассоциаций, созданных в послевоенный период, движимых идей глобальной либеральной технократической координации [см.: 18, с. 353]. Этот конгломерат в последние десятилетия стал уже чем-то большим, нежели простая система ограниченного межправительственного сотрудничества [см.: 19, с. 62].

Возвращаясь к вопросу налогообложения, следует признать, что процессы глобализации представляют собой серьезную угрозу классическим системам публичных финансов в том их представлении и с теми функциями, которые были характерны для государств XX века. Усиление международного движения капиталов, рабочей силы и товаров дестабилизирует такие

системы публичных финансов, базирующиеся на классических методах налогообложения (т.е. резидентности, прогрессивной ставки и т.д. [детальнее см.: 20, с. 394-399; 21, с. 20-21]). Традиционно на публичные финансы возлагается бремя выравнивания неравенства в социальном и экономическом развитии отдельных регионов и стран населения (в налоговом измерении эту функцию выполняет корректирующее налогообложение [см.: 22, с. 473]). Как отмечает Д. Голдберг, все налоговые меры стимулирования имеют одну общую черту, независимо от формы и целей: они направлены на стимулирование движения капитала или рабочей силы в определенную сферу деятельности через уменьшение фактического налогового бремени такой деятельности [см.: 23, с. 306]. Так возникло такое явление, как налоговое субсидирование, когда налоговые меры по своему содержанию выполняют не фискальную функцию, а регуляторную, и рассматриваются как программы государственных расходов, реализованных через налоговую систему страны [см.: 24, с. vii]. В таком значении нормы налогового права выполняют функцию субсидирования определенной деятельности через уменьшение налоговой нагрузки и, соответственно, бюджетных поступлений [детальнее см.: 23, с. 306]. Однако вместе с тем в силу увеличения мобильности капитала и квалифицированной рабочей силы все более тяжелую налоговую нагрузку приходится нести относительно менее мобильным факторам производства, таким как неквалифицированная рабочая сила, сельское хозяйство, природные ресурсы и т.п. Это в свою очередь ведет ко все большему разрыву между богатыми и бедными странами, социальными стратами и регионами и грозит новыми потрясениями для международного правопорядка в целом.

Значение системы права ВТО, как подчеркивается во многих исследованиях, заключается в установлении общего правопорядка для международных экономических отношений [см.: 25, с. 27]. Данный правопорядок базируется на 46 соглашениях, формально выступающих приложениями к Соглашению о ВТО. Эти приложения состоят из четырех групп: (1) многосторон-

ние соглашения по торговле товарами; (2) Договоренность о правилах и процедурах разрешения споров; (3) Механизм обзоров торговой политики и (4) торговые соглашения с ограниченным кругом участников. С развитием процессов глобализации и взаимозависимости национальных экономик перед ОРС и членами ВТО встала кардинальная проблема отыскать надлежащее соотношение, надлежащий баланс между принципами системы ВТО, направленными на воплощение основополагающей идеи многосторонней системы свободной торговли, а именно «устранение дискриминационного режима в международной торговле» (абзац третий Преамбулы Соглашения о ВТО), и регуляторной автономией ее членов. Иными словами, основная проблема современной системы ВТО заключается в обеспечении либерализации торговой политики членов ВТО без продавливания интеграции национальных рынков. Ведь постепенное устранение тарифных барьеров и квот в торговле все более актуализирует нетарифные меры регуляторного характера, представляющие собой препятствия на пути либерализации международной торговли. Как метко высказался М. Калер, «Длившийся десятилетиями процесс устранения барьеров в торговле напоминает осушение озера, отрывающее взгяду горные вершины, спрятанные до этого под водой, или (более пессимистически) чистку лука, обнажающую новые пласты барьеров» [9, с. 299].

По мере устранения тарифных барьеров и продвижением процессов глобализации с ее неолиберальными идеями, все больше противоречий глубинного характера возникает между целями ВТО и существованием разнопланового и неединообразного регулирования экономики в государствах-членах этой организации, которое негативно влияет на «эффективное равенство возможностей», создание и поддержание которого есть основной целью соглашений ВТО [26, пара. 5.11]. Как показывает недавняя практика ОРС ВТО, все больше государственных мер, которые прямо не преследуют какие-либо протекционистские цели, становятся предметом пристального внимания со стороны ВТО. Система ВТО, таким

образом, оказалась между двумя противоположными довлеющими силами: требованием расширения доступа на рынки, что невозможно без устранения препятствий вследствие различий в регуляторной политике государств, с одной стороны, и стремлением государств сохранить регуляторную автономию, с другой. Столкновение этих двух парадигм – торговой либерализации и интеграции рынков – определяет и будет определять дальнейшее развитие международных экономических отношений и МЭП.

Торговая либерализация под таким углом зрения представляет собой процесс, направленный на уменьшение тарифов и квот в международной торговле, базирующийся на основополагающем принципе недискриминации, воплощенном в обязательствах режима наибольшего благоприятствования и национального режима. В то же время интеграция рынков идет в своих требованиях намного дальше, добавляя к этому также устранение каких-либо препятствий для свободы движения всех факторов производства – рабочей силы, услуг, капитала – вследствие конвергенции или гармонизации внутренней экономической, монетарной и социальной политики [см.: 27, с. 63, 73; 1, с. 5-6].

С одной стороны, как было отмечено в решении ОРС по делу *Japan – Taxes on Alcoholic Beverages*: «Общей и основополагающей целью Статьи III [ГАТТ] является избежание протекционизма при применении внутренних налогов и регуляторных мер» [28, с. 16]. Запрет протекционизма в таком понимании требует от государств-членов ВТО обеспечить равенство условий конкуренции для импорта и товаров национального происхождения и упреждает любые попытки непрямої защиты национального производства через налоговую систему [28, с. 16]. В то же время, как подчеркнул ОРС в указанном решении, «Члены ВТО вольны преследовать собственные национальные цели через внутреннее налогообложение или регулирование в той степени, в которой они, действуя подобным образом, не нарушают Статью III или какое-либо из иных обязательств, взятых в рамках Соглашения о ВТО» [28, с. 16]. Однако равенство

конкурентных условий для импортированного товара и товара национального происхождения, как основное требование системы ВТО [см.: 29, para. 5.1.9; 30, para. 5.5(b)], не может быть реализовано без гармонизации регуляторных систем государств-членов ВТО.

Поводя итоги, следует отметить, что главное противоречие современного международного экономического правопорядка и экономической политики возникло из глубинного конфликта между концепцией абсолютного экономического суверенитета, сформировавшегося в международном праве в период Холодной войны в качестве одного из ключевых инструментов противодействия тенденциям открытия экономик постколониальных стран западному влиянию, и либеральными идеями глобализации рынков, концепции торговли и развития, заложенных в основу Бреттон-вудской системы. С прекращением Холодной войны эти противоречия не ушли: умоглядная победа либеральных идей в сфере международной торговли не стала убедительной перед лицом углубления процессов глобализации. И перед современной системой МЭП стоит сейчас не менее глобальная задача разрешения противоречия между тенденциями экономической либерализации, заложенной в самой основе ВТО, и интеграции рынков, реализуемой с 60-х годов в рамках проекта европейской интеграции.

Собственно, вокруг данного противоречия и происходит эволюция всей системы ВТО на данном этапе. Крах Вашингтонского консенсуса и финансовый кризис 2008 года указали на необходимость поиска новой парадигмы развития МЭП. В каком направлении пойдет такое развитие – по пути торговой либерализации или интеграции рынков – на данном этапе трудно спрогнозировать.

Список использованной литературы:

1. Verhoosel G. National Treatment and WTO Dispute Settlement. Adjudicating the Boundaries of Regulatory Autonomy / Gaetan Verhoosel. – Oxford, Portland: Hart Publishing, 2002. – [ix] 124 p.
2. Kube H. Competence Conflicts and Solutions: National Tax Exemptions and Transnational Controls / Hanno E. Kube // Columbia Journal of European Law. – 2002. – Vol. 9. – P. 79 – 108.
3. Вовк Т. Податкові аспекти права СОТ та *acquis* ЄС. Орієнтири податкової реформи в Україні / Тетяна Вовк, Олександр Водяніков, Ірина Коноваленко – Харків: Консум, 2004. – 960 с.
4. Case C-279/93 Finanzamt Köln-Alstadt v. Schuhmacker // European Court Reports. – 1995. – №. I. – P. 249 – 268.
5. Case C-118/96 Safirv. Skattemyndigheten i Dalarna v. Län // European Court Reports. – 1998. – №. I. – P. 1919 – 1930.
6. Case C-55/98 Skatteministeriet v. Bent Vestergaard // European Court Reports. – 1999. – №. I. – P. 7657 – 7669.
7. WTO Appellate Body Report, United States – Tax Treatment for «Foreign Sales Corporations», WT/DS108/AB/R, adopted 20 March 2000 [Electronic Resource]. – Regime of access to the doc.: <http://docsonline.wto.org/imrd/directdoc.asp?DDFDocuments/t/WT/DS/108ABR.doc>.
8. Стігліц Дж. Глобалізація та її тягар / Джозеф Стігліц; пер. з англ. А. Іщенко. – К.: Вид. дім «КМ Академія», 2003. – 252 с. – (Серія «Актуальні світові дискусії»).
9. Kahler M. Trade and Domestic Differences / Miles Kahler // National Diversity and Global Capitalism / ed. by Susanne Berger and Ronald Dore. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1996. – P. 298 – 332. – (Cornell Studies in Political Economy).
10. Fine B. Neither the Washington nor the post-Washington consensus: An introduction / Ben Fine // Development Policy in the Twenty-First Century: Beyond the Post-Washington Consensus; eds. B. Fine, C. Lapavistas, J. Pincus. – London and New York: Routledge, 2001. – P. 1-27.
11. Williamson J. What Washington Means by Policy Reform / John Williamson // Latin American Adjustment: How Much has Happened?; ed. J. Williamson. – Washington: Institute for International Economics, 1990. – P. 5-38.
12. Standing G., Brave New Words? A Critique of Stiglitz's World Bank Rethink / Guy Standing // Development and Change. – 2000. – Vol. 31, No.4. – P. 737-763.
13. Bayliss K. Privatisation and the Post-Washington Consensus: Between the Lab and the Real World? / Kate Bayliss, Christopher Cramer // Development Policy in the Twenty-First Century: Beyond the Post-Washington Consensus; eds. B. Fine, C. Lapavistas, J. Pincus. – London and New York: Routledge, 2001. – P. 52-79.
14. Deraniyagala S. From Washington to post-Washington. Does it matter for industrial policy? / Sonali Deraniyagala // Development Policy in the Twenty-First Century: Beyond the Post-Washington Consensus; eds. B. Fine, C. Lapavistas, J. Pincus. – London and New York: Routledge, 2001. – P. 80-98.
15. Power M. Rethinking Development Geographies / Marcus Power. – London and New York: Routledge, 2003. – 273 [xii] p.
16. Stiglitz J. More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus / Joseph Stiglitz : (The 1998 WIDER Annual Lecture (Helsinki, Finland), January 7, 1998) [Electronic resource]. – 46 p. – Regime of access to the document: <http://www.ucm.es/info/eid/pb/Stiglitz98wider.pdf>.
17. Hayami Y. Development Economics: From the Poverty to the Wealth of Nations / Yujiro Hayami, Yoshihisa Godo. – [3rd edn.] – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 430 [xviii] p.
18. Арриги Дж. Долгий Двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Джованни Арриги; пер. с англ. А. Смирнов и Н. Эдельман. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
19. Гелд Д. Глобалізація / антиглобалізація / Дейвід Гелд, Ентоні Мак-Грю; пер. з англ. І. Андрущенко. – К.: К.І.С., 2004. – X, 180 с.
20. Вдовічена Л.І. Принципи податкової юрисдикції держави / Лідія Вдовічена // Держава і право. – 2006. – № 33. – С. 394-399.
21. Петрова Г.В. Налоговое право : учебник для вузов. / Галина Владиславовна Петрова. – [2-е изд., стереотип.] – Москва: Изд. НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА•М), 2000. – 271 с.
22. Стігліц Дж. Економіка державного сектора / Джозеф Стігліц; пер. з

англ. А. Олійник, Р. Скільський. – Київ: Основи, 1998. – 854 с.

23. Goldberg D. Tax Subsidies: One-Time vs. Periodic. An Economic Analysis of the Tax Policy Alternatives / Daniel S. Goldberg // Tax Law Review. – 1994. – Vol. 49, No. 2. – P. 305 – 347.

24. Surrey S. Pathways to Tax Reform: The Concept of Tax Expenditures / Stanley S. Surrey. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973. – xi, 418 p.

25. Stoll P.-T. WTO – World Economic Order, World Trade Law / Peter-Tobias Stoll, Frank Schorkopf. – Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. – [xix] 291 p. – (Max Planck Commentaries on World Trade Law).

26. GATT Panel Report, United States Section 337 of the Tariff Act of 1930, L/6439, adopted 7 November 1989 : [Electronic resource]. – Regime of access to the doc.: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/87tar337.pdf.

27. Robson P. The Economics of International Integration / Peter Robson; [4th edn]. – London and New York: Routledge, 1998. – [xvi] 333 p.

28. Appellate Body Report, Japan – Taxes on Alcoholic Beverages, WT/DS8/AB/R, WT/DS10/AB/R, WT/DS11/AB/R, adopted 1 November 1996 : [Electronic resource]. – Regime of access to the doc.: [http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/japan-alcohol\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/japan-alcohol(ab).pdf).

29. GATT Panel Report, United States – Taxes on Petroleum and Certain Imported Substances, L/6175, adopted 17 June 1987 : [Electronic resource]. – Regime of access to the doc.: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/87superf.pdf.

30. GATT Panel Report, Japan – Customs Duties, Taxes and Labelling Practices on Imported Wines and Alcoholic Beverages, L/6216, adopted 10 November 1987 : [Electronic resource]. – Regime of access to the doc.: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/87beverg.pdf.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА (ПЕРИОД ДО НАЧАЛА XX ВЕКА)

С. ГЛАЗУНОВА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоведения Ивано-Франковской филии
Открытого международного университета развития человека «Украина»

SUMMARY

In the functional activity of the state shows its special purpose, depending on the different historical styles and forms. The article attempts critical reflection on the state of legal doctrines of philosophers and theoreticians of different historical periods prior to the period of the early twentieth century. Author exploring different ideas and reveal the essence of the concept, the objectives and purpose of the State traces the evolution of the functions of the state and development of the theory of functions of the state as a whole.

Key words: theory of functions, the state, constitutional state, sovereignty, human rights, society.

* * *

В функциональной деятельности государства проявляется его особое назначение в зависимости от различных исторических типов и форм. В статье предпринята попытка критического осмысления теоретико-правовых учений о государстве философов и теоретиков права разных исторических эпох до периода начала XX века. Автор, исследуя разные идеи и концепции, раскрывающие сущность, цели и назначение государства, прослеживает путь эволюции функций государства и развития теории функций государства в целом.

Ключевые слова: теория функций, государство, правовое государство, суверенитет, права человека, общество.

Постановка проблемы. Функции государства являются одной из центральных и в то же время дискуссионных правовых категорий, которые привлекают значительное внимание ученых. Применяя функциональный подход в исследовании государства любого типа и формы, можно получить емкую характеристику этой организации политической власти. Функции государства чувствительны к внутренней организации, сущностному и формальному наполнению государства, а также к внешней среде, в которой государство развивается. Также современное понимание теории функций государства предполагает анализ идей мыслителей различных исторических периодов развития государства, для использования практических научных знаний и упорядочения научных достижений в этой сфере.

Актуальность темы исследования обусловлена поиском оптимального соотношения традиционных и новейших функций государства, исследование их природы, цели и последствий т.п. Политико-правовой опыт мыслителей разных времен и народов является неоценимым сокровищем в исследовании различных аспектов функций государства.

На актуальность данного вопроса влияет и то, что в советской правовой науке не всегда использовались научные взгляды относительно понимания функций государства,

разработанные учеными предыдущих эпох.

Состояние исследования. Анализ научных работ и публикаций позволяет утверждать, что на сегодня уровень исследования функций государства в отечественной и зарубежной правовой науке является весомым. Однако не в достаточной степени уделяется внимания вопросам становления и развития теории функций государства в период до начала XX века. Труды ведущих национальных и зарубежных ученых послужили основой данного исследования.